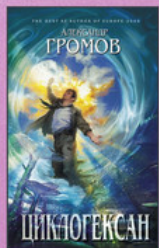

Александр Громов

Я, камень

Часть сборника
Циклогексан (сборник)

Александр Николаевич Громов

Я, камень

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141152

Вопрос права: АСТ;
ISBN 5-17-001069-9

Аннотация

«Не знаю, кто в незапамятные времена решил пошутить, так устроив наш мир, что все на свете кому-то завидуют.

Бедные – богатым. Слабые – сильным. Уродливые – красивцам. Рабы – владыкам. Неудачливые – баловням судьбы. И если где-нибудь удастся сыскать богатого, сильного и удачливого красавца-владыку, то наверняка окажется, что и он кому-то завидует. Например, богам, даже самым ничтожным из них, а то и вовсе забытым, не имеющим ни храмов, ни жрецов, ни алтарей, чахнувшим, но бессмертным. Или нищему певцу – за то, что сочиненные им песни подданные слушают охотнее, чем его, владыки, глашатаев...»

Александр Громов

Я, камень

Не знаю, кто в незапамятные времена решил пошутить, так устроив наш мир, что все на свете кому-то завидуют.

Бедные – богатым. Слабые – сильным. Уродливые – красивцам. Рабы – владыкам. Неудачливые – баловням судьбы. И если где-нибудь удастся сыскать богатого, сильного и удачливого красавца-владыку, то наверняка окажется, что и он кому-то завидует. Например, богам, даже самым ничтожным из них, а то и вовсе забытым, не имеющим ни храмов, ни жрецов, ни алтарей, чахнувшим, но бессмертным. Или нищему певцу – за то, что сочиненные им песни подданные слушают охотнее, чем его, владыки, глашатаев.

Врут схоласты, будто мир стоит на панцире огромной черепахи, это вредный предрассудок. Панцирь давно бы треснул. На самом деле мир стоит на зависти и насквозь пропитан ею. Она как клей, без нее земной диск рассыпался бы песком. Ну что еще, спрашиваю я вас, способно скрепить его? Любовь? Верность? Дружба? Доблесть? Не трудитесь перечислять далее. Уже очень смешно.

Старые завидуют молодым. Безрукие – рукастым, слепцы – зрячим. Глухонемые завидуют тугим на ухо. Слепоглухонемые – тем, кто имеет либо слух, либо хотя бы один глаз, пусть астигматичный и близорукий. Вечно жалующиеся те-

ни непогрешенных завидуют живым, включая слепоглухонемых. Бесплотные горемычные скитальцы, надоедающие мне по ночам своими жалобами, они вообще завидуют всем, кто хотя бы иногда может позволить себе отдых и полный покой. Вероятно, с особенной силой они завидуют мне.

А я завидую им. Полный покой надоел мне к концу первого года неподвижности. Герой в бессрочном отпуске...

Слава о моих подвигах гремит по свету. Мне известно, что во всех селениях, лежащих и по ту, и по эту сторону перевала, бродячие певцы, слетающиеся на каждую ярмарку, как мухи на клей, прославляют в балладах дела давно минувших дней – мои дела. Я действительно очень стар по человеческим меркам, хотя по геологическим чрезвычайно молод. Сущий младенец.

Я – Камень. Довольно большой гранитный валун почти прямоугольной формы, высотой достигающий до пояса среднему человеку, шириной в полтора шага и длиной в три. Параллелепипед, как сказал бы ученый геометр. Та моя грань, что обращена вверх, особенно плоская и удобна для того, чтобы дать отдых усталому путнику. Что они и делают. Почти каждый норовит присесть на меня, но никому не приходит в голову сказать спасибо. Недавно какой-то варвар, направляющийся на юг явно ради того, чтобы побесчинствовать и пограбить, типичный гопник в кольчуге и рогатом шлеме, затупил о меня меч, но сумел-таки вкривь и вкось высечь свое имя: Харальд. Не то тренировался, предвкушая, как бу-

дет ставить автографы на памятниках исчезнувших цивилизаций, не то просто учился грамоте. Жаль, я не встретился с ним раньше на узкой дорожке – у него сразу пропала бы охота пакостить. Впрочем, в те времена, когда я мог с ним встретиться, он, наверное, еще не родился...

Бесчувственный как камень – не про меня сказано. Согласно схоластической теории божьего зеркала, за которую в ближайшем городе лет пять назад закоптили в медленном дыму ученого монаха Шпикуса, всякая вещь отражает воздействие и наделена способностью чувствовать.

Я и чувствую.

Солнце. Дождь. Снег. Звуки. Запахи. Во мне нет ни единой трещины, я могу так лежать еще тысячи лет, если только какому-нибудь идиоту не придет в голову уложить меня в новую городскую стену или раздробить, дабы вымостить улицу перед магистратом. К счастью, до города не рукой подать.

Знакомый стервятник, набив брюхо мертвечиной, прилетает чистить о меня свой клюв. Это немного противно, но совсем не больно. Жаль только, что стервятник ужасный неряха и от него дурно пахнет. Еще он иногда гадит. Я сержусь, но, когда он улетает, мне становится одиноко.

Случается, на меня взбираются ящерицы, чтобы погреться. Когда у гадюк наступает период линьки, они трутся о мои бока, и мне приятно.

Я завидую змеям. Они умеют ползать без ног. Я завидую

ящерицам – они умеют бегать. Но сильнее всего я завидую стервятнику. Ноги у меня, возможно, еще вырастут, а крылья – никогда.

Я очень удобно лежу. Погогий склон, мягкая травка. Здесь предгорья, дорога из города, обходя меня, делает специальный крюк (так и должно быть – в свое время я свалился прямо на дороге и перегородил ее), немного выше начинает сильно петлять и медленно взбирается к перевалу. Со своего места я хорошо вижу башни раскинувшегося вдали города и пасущиеся на равнине овечьи стада, а в погожие дни ясно различаю на северном горизонте синие пики Рифейских гор. Дорога через перевал не слишком оживленная, однако не проходит и дня, чтобы по ней не прошел путник, а то и двое. Когда они вскарабкиваются на меня, чтобы отдохнуть, поболтать ногами и почесать языки, я узнаю новости. Я не был любопытным человеком, но я очень любопытный камень. Я внимательно слушаю, и мне кое-то известно о том, что произошло в мире за последние годы. Разумеется, лишь в самых общих чертах.

Менее всего мне известно о том, что происходит на севере за Рифейскими горами. В мое прошлое человеческое воплощение там лежали три великие страны: Гиперборея, Себорея и Диарея, чье население по воле богов было поражено неизлечимыми хворобами, так что, пожалуй, приходилось радоваться тому, что прямого пути через Рифейские горы не существует. Это действительно так, я проверял, когда в дни мо-

нетного кризиса по просьбе королевы Лигатуры сопровождал караван, отряженный в горы за самородками. Кстати, золота в горах также не нашлось, горы как горы.

На западе живет храбрый и справедливый король, нечаянно утопивший в лесном озере свой волшебный непобедимый меч. Переодевшись из стыда перед народом простым рыбаком, этот достойный монарх удалился от власти, нанял плоскодонку и ежедневно посвящает несколько часов промерам глубин при помощи камня на длинной веревке, надеясь когда-нибудь вычислить местонахождение меча и послать за ним водолазов. Народ, обожающий монарха, делает вид, будто ни о чем не догадывается, однако местные острословы уже прозвали шалаш на озерном берегу, служащий королю пристанищем, замком Камень-лот.

На востоке совсем худо. После смерти великого кагана Калгана, правившего век без одной недели и скончавшегося от удивления собственным долголетием, к власти пришел избранный народом престолодержатель Кворум, столь медлительный, что пока он собирается решить одну проблему, накапливаются сотня других, и дела каганата плохи.

Страна, в пределах которой я нахожусь, называется Копролит. Это очень древняя страна, но скучноватая. Мне здесь никогда особенно не нравилось, притом меня здесь дважды делали камнем.

На юге за перевалом – кутерьма. Воюющие друг с другом королевства, непобедимые армии, неустрашимые воите-

ли, великие маги – все там. Новости с фронтов меняются на прямо противоположные раз в неделю, а то и чаще. Когда у меня вновь отрастут ноги, я непременно подамся на юг. Самое для меня место.

Но – чу! В мою сторону идут люди, причем с разных сторон. Панорамность зрения очень удобна, хотя я предпочел бы рассматривать окружающее глазами, а не всей поверхностью. У каждого свои слабости.

Со стороны перевала по дороге бредет седобородый старик с корявым посохом и заплата́нной сумой через плечо. Наверно, нищенствующий певец или просто бродяга, состарившийся в скитаниях. Видно, что он устал. Дорога, спускаясь в долину, идет под уклон, но старик едва волочит ноги. Наверняка сядет передохнуть, потому что до самого города ничего удобнее меня ему не встретится. Я не против. Плохо только, что старик идет один, и если он не имеет привычки беседовать сам с собой, я опять не узнаю ничего нового. Но даже если он имеет такую привычку, с какой стати ему рассуждать вслух о том, что делается в мире? Скорее всего мне придется выслушать жалобы на стариковские болячки, сопровождаемые постанываньем и кряхтеньем, да так, пожалуй, что у меня самого заломит в пояснице, которой у меня вовсе нет. Внушение – великая, но жутковатая сила.

Зато со стороны города движется на рысях целая кавалькада из шести всадников. Вернее, из пяти, потому что вряд ли можно назвать всадником того, кто лежит на седле живо-

том, напоминая выючий куль. Сначала я в самом деле принял его за выюк, но теперь видно, что это все-таки человеческое существо, хотя на голову ему надет какой-то мешок. У меня хорошее зрение. Кавалькада еще далеко, и старик будет здесь раньше.

Как я и думал, он собирается отдохнуть. Кряхтя, кое-как вскарабкивается на меня, и расслабленно блаженствует. Ему приятно, что я успел прогреться на солнышке, старые кости любят тепло. Зеленая ящерица, в первую секунду отбежавшая к моему краю, делает вывод, что старик безопасен, и продолжает греться. Знакомый стервятник с утра ко мне не навевался, а сейчас я различаю его над городом, он кружит там в сопровождении нескольких сородичей. Ну, это нам знакомо. И подмеченная мною кавалькада неспроста пылит по дороге.

Была драчка, верно? С убитыми. Никакой противник к стенам не подступал, значит, милейшие горожане передрались между собой. Небось пособники злых сил пытались свергнуть доброго короля Угорела и прекрасную королеву Варикозу, а преуспели или нет, пока не знаю. Но все уже кончено, не так ли? А поперек выючного седла лежит важный фрукт, которого постеснялись убивать в городской черте, я угадал?

Интересно знать, кто он? Неужто сам Угорел?

Насколько мне известно, моя обидчица королева Лигатура умерла около года назад от медленного отравления рту-

тью, а две ее дочери, Геенна и Убиенна, во всем превзошедшие мамашу, по приказу Угорела были изгнаны из страны. Вообще-то народ, освободивший доброго короля из тюрьмы и ожидавший в знак монаршей признательности если не хлеба, то хотя бы зрелищ, шумно требовал публичной казни негодяек, но добрый Угорел заливался слезами при всяком упоминании о плахе, костре или виселице, а чувствительная королева слегла в постель, жалуясь на расширение вен. Народ пошумел и успокоился.

Как оказалось, напрасно. Не прошло и месяца, как под стенами появилось войско каганата, ведомое Убиенной, младшей из сестер, и снабженное всем необходимым для правильной осады, включая трех черных магов, двух плюющих огнем драконов и одного стенобитного единорога. Каким образом интриганке удалось столь скоро уговорить нерешительного Кворума оказать ей военную помощь, осталось тайной.

Из этой затеи ничего не вышло. Огненные драконы сдохли от простуды, отведав льющегося со стен кипятка, оказавшегося для них чересчур прохладным, единорог покорился дочери Угорела и Варикозы непорочной Леноре и добровольно пошел на мясо для осажденных, маги перегрызлись из-за придворных постов и больше вредили друг другу, чем помогали штурмующим. Начались прямые переговоры высоких сторон. Убиенну нечаянно убил сам Угорел, произнесший длинную речь о добродетели, чего преступница вынести не

смогла и скончалась на месте задолго до финала замечательной речи. Войско ее с потерями откатилось в каганат. Маги смылись. С тех пор в стране наступил мир, а об исчезнувшей Геенне не было ни слуху, ни духу.

И вот...

Возле меня всадники с гиканьем осаживают лошадей и спешиваются. Интересно, кто им понадобился – старик или я? И для чего?

Хорошо, что у камня нет сердца и нечему биться. Иначе сейчас оно могло бы выпрыгнуть наружу.

Предводитель отряда, плотный мужик в хороших доспехах, оглядывается на темнеющие вдаль городские башни и, обращаясь к воинам, разевает волосатую пасть:

– Не будь я Зад Мелькал, доблестный тысячник армии непобедимой Геенны, если я сброшу эту девку в пропасть неповрежденной! Сперва я, а потом все по очереди, что скажете, ублюдки?

Ублюдки в доспехах поплоче шумно радуются. Они согласны. Двое из них шустро развязывают узлы на притороченной к седлу пленнице и снимают ее на землю. Летит в сторону сорванный с головы мешок. Ого!..

Она красивая, и я люблюсь. Что мне пока остается делать? А кто она, в сущности, не так уж важно.

– Ты скверно умрешь, Зад Мелькал! – кричит пленница. Воины регочут.

– Ты этого не увидишь, моя сладенькая, – под общее одоб-

рение возражает Мелькал. Место действия он уже наметил – я очень удобный камень, других таких поблизости нет. А вот старика на мне он, кажется, разглядел только сейчас. – Отыди, презренный червь, ибо я обуян плотским желанием... Ох! – это пленница впивается ногтями ему в лицо.

Старик покорно, но с неуместным достоинством сносит оплеуху и не собирается слезать с меня. Его сбрасывают пинком. Пленница кричит, призывая на помощь. Пока все идет как по маслу. Я заранее пытаюсь напрячь несуществующие мускулы или хотя бы вспомнить, как это делается.

Наконец-то дождался! И плевать, что мне предстоит драка. Чтобы не сглазить, я охотно плюнул бы через левое плечо, но у меня все еще нет ни плеча, ни слюны.

Зад Мелькал опрокидывает пленницу на меня. Кто-то из солдат затыкает ей рот, кто-то держит ей руки-ноги, кто-то дает скабрзные советы пыхтящему Мелькалу – что-то у него там заело с пряжками штанов. Проходит минута, затруднение устранено...

И вся компания разом валится друг на друга, барахтается на земле, вопит, копошится и ничего не понимает. Сверху воины, чуть ниже Мелькал, еще ниже пленница, а под всей этой человеческой кучей нахожусь я и являюсь ее частью.

Я снова человек.

Что для меня стряхнуть с себя шестерых? Пустое дело, не о чем и говорить. Но только не сейчас. Окаменение сразу не проходит, и прежде чем в мои мышцы вернется преж-

няя ловкость, не говоря уже о силе, пройдет как минимум несколько минут. За это время и убить могут, не поняв глупой шутки: был камень – стал человек! Одна надежда на растерянность солдатни.

Выпутавшись из общей кучи, они теряются лишь на несколько мгновений. Маловато...

– Убейте его! – визжит Зад Мелькал, одной рукой указывая на меня, другой поддерживая штаны. Пока он их не наденет, драться ему несподручно, а значит, у меня всего четыре противника.

Зато никакого оружия.

С нечеловеческими усилиями я встаю на четвереньки, и тут на мою шею опускается меч. Кто-то из солдат решил эффектно отсечь мне голову. Напрасное занятие – я все еще наполовину камень, поэтому меч выбивает о меня искру и ломается пополам. Но больно. На шее точно останется рубец, как навсегда осталась на моем боку татуировка «Харальд» с рунами вкривь и вкось.

Окаменение хорошая защита. Но оно быстро проходит.

Солдафон, сломавший о меня меч, по-моему, крайне обижен. Он тушуетя и пятится назад, зато трое остальных кружат вокруг меня, готовясь напасть. С одной стороны, это хорошо, поскольку с каждым мгновением отсрочки в моем теле прибывает силы; с другой плохо, потому что я все более не камень...

Кое-как я поднимаюсь на ноги. Очень похожий на глиня-

ного болвана для упражнений в рубке.

– Нападайте, олухи! – ревет Зад Мелькал, еще не закончивший свой туалет.

Если они действительно олухи, то уж во всяком случае олухи дисциплинированные. Три меча со свистом рассекают воздух на замахе, чтобы через мгновение разрубить меня на части. Затупятся, но рубят.

– Лови! – Старик кидает мне свой корявый посох.

Оп! Поймал. Руки уже слушаются.

Я принимаю на посох все три меча. Ох, неспроста дедуля не выбрал себе палку поровнее! Посох неказист, зато явно принадлежит к числу заговоренных, я это сразу заподозрил. И старичок тоже совсем не прост, знаю я таких...

Все три меча со звоном ломаются о тонкую деревяшку, не оставив на ней и следа. Зато деревяшка в моих руках приходит в неистовое смертоносное движение. Дело знакомое, бой совсем короткий. Воины Мелькала, не захватившие с собой пик, могут защищаться только кинжалами и обломками мечей. Спустя несколько мгновений трое из них уже смиренно лежат в дорожной пыли и вряд ли встанут, а четвертый корчится, насаженный со спины на кинжал, добытый не растерявшейся пленницей у одного из убитых. Ловкая девчонка!

Четверо перебиты, один лишь Мелькал стремительно убегает по дороге к городу. Догнать его нет возможности: во время боя лошади, одурев от запаха крови, разбежались по всему Копролиту, а я еще не настолько быстроног, чтобы со-

стызаться в скорости с насмерть перепуганным тысячником. Он не остановится до самого королевского замка и, наверно, сначала поднимет тревогу, а потом уже как следует застегнет штаны.

Пленница думает примерно так же:

– Кто бы вы ни были, ты, благородный воин, и ты, мудрый странник, нам надо скорее уходить в горы, ибо через полчаса здесь будет вся армия гнусной Геенны...

Ага. Значит, я был прав: в городе действительно переворот. А насчет гор я согласен, иного пути нет.

Кстати, что это она так странно на меня косится?.. Ах, да. Верно. Я же гол, как новорожденный, на мне только и есть, что корявая татуировка на одном боку и корочка лишайника на другом. Когда пять лет назад я в очередной раз стал камнем, моя одежда, разумеется, лопнула по всем швам и разлетелась обрывками, ныне частично пропавшими, частично пришедшими в полную негодность. И чего это говорят, будто под лежащий камень вода не течет? Течет, уверяю вас. Еще как просачивается.

Штаны самого рослого из убитых мне коротки, но других нет.

– Идем же! – торопит девушка.

– Подожди... Как тебя зовут? – Вопрос ритуальный, ибо ответ я знаю почти наверняка.

– Ленора, дочь короля Угорела и королевы Варикозы, наследная принцесса Копролита. Ты готов?

– Нет еще. – Я принимаюсь разгребать руками землю там, где недавно лежал. – Великий Драхма, где же он?

– Кто?

Но я уже нашел. Не «кто», а «что». Мое оружие! Мой знаменитый на весь мир кистень Чтозаболь, предмет повышенной убойности, некогда доставшийся мне после долгого боя с верзилой Мертвожором, наводившим ужас на все земли восточнее каганата, да и на каганат тоже. Тяжелый, чуть тронутый ржавчиной шар с заговоренными шипами, простая рукоять, сработанная из чьей-то бедренной кости, да витой кожаный ремешок, больше ничего. А каких врагов я побеждал этим оружием – самому вспомнить жутко! Сколько волшебных мечей вырвал из рук! Сколько шлемов расплющил в блин!

Теперь вид у кистеня самый непрезентабельный: костяная рукоять потемнела, ремешок подгнил. Вещь остро нуждается в починке. С другой стороны, если бы в прошлый раз я не упал на нее, становясь камнем, нашел бы я ее сейчас, пожалуй! Охотников до бесхозного добра всегда больше, чем нужно.

– Идем! – командует Ленора. Как ни мало правил Копролитом ее папаша, привычку командовать принцесса усвоила быстро. – Нет, стой. Я должна поблагодарить тебя, отважный воин...

О ужас – она тянется на цыпочках, намереваясь меня поцеловать!

– Не-е-е-е-ет!!!...

От моего крика старик роняет посох, который он только что придиричиво рассматривал и скреб ногтем. Принцесса растеряна.

– Ты... ты брезгуешь?

– Потом объясню, – бросаю я, убедившись, что опасность пока миновала. – Идем!

– Все равно я благодарю тебя, – царственно изрекает принцесса, – хотя и не знаю твоего имени.

– Камень, – говорю я. – Меня зовут Камень.

* * *

Мы взбираемся на гору. Дорога вьется вниз, и вскоре по ней промчится отряд, высланный в погоню. Если мы успеем перевалить вершину и в отряде не найдется толкового мага, у нас есть шанс ускользнуть из страны невредимыми.

Старик не отстает. Он молчит, сберегая дыхание, зато принцесса, легкая как на ногу, так и на язык, болтает без умолку.

– ...и вот когда мой отец уволил со службы всех палачей и изгнал из пределов страны пыточных дел мастера гнусного Ортопеда, шайки грабителей наводнили страну, и народ начал роптать. Отец очень жалел, что не успел распустить армию, доставшуюся ему в наследство от узурпаторши Лигатуры, ибо он не хотел ни с кем воевать, воины же с каждым

днем выражали все большее недовольство мудрым правлением отца...

– Почему? – интересуюсь я.

– Отец не позволял им грабить землепашцев.

Понятно...

– Мерзкая же Геенна, предводительница темных сил, через лазутчиков уговорила презренного Зада Мелькала и его приспешников изменить государю, – продолжает Ленора. – Зря отец не изгнал их из страны...

Действительно. Дельная мысль: изгнать всех, кто мешает доброму королю проявлять доброту, в первую очередь полицию, армию и полководцев. И остаться в совершенном одиночестве.

Короче говоря, произошел переворот. Угорел с Варикозой были схвачены взбунтовавшимся войском и, вероятно, убиты. Провозглашенная королевой Геенна торжественно въехала в Копролит, немедленно пообещав войску череду коротких победоносных войн и владычество Копролита над миром. Зад Мелькал получил повышение по службе, мучитель Ортопед вернулся к исполнению своих обязанностей, богам были принесены человеческие жертвы, словом, все вышло путем.

Оставалась одна проблема: что делать с Ленорой? Все знали о предсказании ее судьбы, данном при ее рождении вещей колдуньей Нонпарель: Зрячие Кольца помогут принцессе победить силы зла и стать одной из величайших королев.

Казнить негодницу – тут и вопроса не было. Но как? Все знали, что предсказания Нонпарели всегда исполняются. Искушенная в чернокнижии Геенна нашла выход: сбросить принцессу в горную пропасть и завалить камнями – пусть-ка из-под завала попробует добраться до Зрячих Колец! Не знала темная Геенна другого, тайного предсказания: найти Зрячие Кольца Леноре поможет Камень...

Я, кстати, тоже не знал.

Это не первый случай. Как только я принимаю человеческий облик, у меня сразу находятся работодатели, убежденные в том, что я сплю и вижу, как бы вытащить их из беды. Особенно женщины, от коих мне следовало бы бежать, как зайцу от филина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.